

Историческая информатика*Правильная ссылка на статью:*

Юнусова А.Б., Гусева Ю.Н. Центральное и региональные духовные управления мусульман в Крыму и Башкирии (1920–1930-е гг.): сетевой анализ // Историческая информатика. 2025. № 3. С. 77–98. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.3.75618 EDN: SLSDCJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75618

Центральное и региональные духовные управления мусульман в Крыму и Башкирии (1920–1930-е гг.): сетевой анализ**Юнусова Айслу Билаловна**

ORCID: 0000-0002-7210-5771

доктор исторических наук

главный научный сотрудник; Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева; Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6

 aislu557@gmail.com**Гусева Юлия Николаевна**

ORCID: 0000-0002-5731-7274

доктор исторических наук

профессор; институт Истории; Государственное автономное образовательное учреждение «Московский городской педагогический университет»

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

 j.guseva@mail.ru

Статья из рубрики "Методы и технологии сетевого анализа"**DOI:**

10.7256/2585-7797.2025.3.75618

EDN:

SLSDCJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2025

Дата публикации:

03-09-2025

Аннотация: Статья затрагивает актуальные проблемы религиозной политики, национальной автономии, конфессионального самоуправления, роли мусульманских лидеров и муфтиятов. История религиозных институтов в советский период представляет собой сложный переплет политических, социальных и культурных процессов. В центре внимания статьи взаимодействие Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) с единственными в 1920–1930 гг. региональными национальными муфтиятами – Башкирским и Крымским. На примере этих структур отчетливо прослеживаются тенденции властей урегулировать систему управления мусульманскими организациями. Изучение национальных муфтиятов в Крыму и Башкирии приобретает особую значимость, поскольку они не только выполняли религиозные функции, но и были связаны с национальными движениями, выступая платформами для консолидации башкирской и крымскотатарской элиты. Их стремление к автономии столкнулось с двойным противостоянием: с одной стороны, с попытками унификации со стороны ЦДУМ, с другой – с административным давлением советского государства. Эволюция мусульманских духовных структур в условиях советской политики представлена в контексте теории сетевого взаимодействия (Network Theory), позволяющей моделировать связи между различными «акторами», анализировать их устойчивость, центральность и мощность. Построение графов, визуализация и расчёт метрик выполнены в Gephi v. 0.10.1 со встроенным алгоритмом. Новизна исследования выражена а) применением теории сетевого взаимодействия к анализу государственно-религиозных отношений, б) проведением сравнительного анализа муфтиятов в межрегиональном контексте, в) проведение исторического исследования через призму духовных лидеров. Сетевой подход позволил увидеть, что автономия муфтиятов основывалась на локальной поддержке, что сделало их особенно уязвимыми перед репрессиями 1930-х гг. Сетевой анализ взаимодействия национальных и централизованных религиозных структур в условиях советской политики не только раскрывает особенности функционирования муфтиятов в Крыму и Башкирии, но и предлагает новый методологический инструмент для изучения советской истории. Современная фрагментация духовных управлений мусульман в Российской Федерации отчасти воспроизводит конфликт централизации и регионализации 1920–1930-х гг., что подчеркивает ценность изучения исторического опыта.

Ключевые слова:

ЦДУМ, НУРДМК, ДУМ Башкирии, Ибрагим Тарпи, Мутыгулла Гатай, Риза Фахретдин, сетевой анализ, построение графов, расчет метрик, Советское государство

Статья затрагивает проблемы взаимодействия религиозного и этнического факторов и конфессионального самоуправления в истории мусульманского сообщества России. Объект исследования статьи – система государственно-религиозных отношений в СССР 1917–1936 гг. Предмет – сетевые структуры взаимодействия и противостояния между центральными и национальными муфтиятами как элементы этой системы. В статье анализируется деятельность Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), национальных муфтиятов Крыма и Башкирии и мусульманских лидеров в 1917–1936 гг. В указанный период Крым и Башкирия были единственными территориями, где сформировались местные национальные духовные управления мусульман, тесно связанные с национальными движениями в регионах. Выявляя ключевые акторы, типы связей и их динамику, исследование вносит вклад в изучение национально-религиозных

процессов в СССР.

Актуальность исследования обусловлена проблемами организационного устройства современного мусульманского сообщества России – наличием десятков региональных муфтиятов и нескольких централизованных структур с невнятной иерархией, соперничеством духовных лидеров, задачами выработки оптимального подхода к вопросам религиозного образования и подготовки кадров мусульманского духовенства.

По данным Минюста РФ (<http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>), в Российской Федерации функционирует более 7 тыс. мусульманских организаций, из них 111 – централизованные: духовные управление мусульман, муфтияты, центры, собрания, советы, союзы, представительства. При подготовке Атласа «Исламское сообщество Российской Федерации» нами было зафиксировано наличие духовных управлений во всех субъектах РФ, а в отдельных субъектах по два и более – в Башкирии, например, зарегистрировано три, столько же в Пензенской области. Неофициальная иерархия духовных управлений и, соответственно, муфтиев делит их на региональные и вышестоящие. К вышестоящим относятся Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ), Духовное управление мусульман Российской Федерации/Совет муфтиев России (ДУМ РФ/СМР), Духовное собрание мусульман России (ДСМР), они объединяют региональные ДУМ/муфтияты/представительства различных регионов РФ. 34 региональных духовных управления (РДУМ) находятся в канонической юрисдикции Совета муфтиев России, 28 РДУМ и представительств относятся к ЦДУМ, 17 объединены Духовным собранием мусульман России. Есть также субрегиональные структуры, например, Духовное управление мусульман Азиатской части России, объединяющее 28 казыятских управлений Уральского, Сибирского и Дальневосточного регионов, или Координационный центр мусульман Северного Кавказа, объединяющий 9 северокавказских муфтиятов. Автономно действуют 14 региональных духовных управлений, среди них духовное управление Республики Татарстан (ДУМ РТ), два духовных управления в Пензенской области, Духовное управление Республики Крым и города Севастополь и ряд других [11]. Современная фрагментация духовных управлений, как и регионализация муфтиятов в 1920-е гг., указывают на проблему баланса между централизацией и учётом местных особенностей, актуализируют проведение объективного анализа процесса регионализации системы управления мусульманскими приходами.

Начиная с 1990-х гг. активно развиваются исследования по истории «советского ислама», мусульманских общин в СССР. Наиболее изученными являются вопросы закрытия мечетей и репрессий в отношении мусульманского духовенства в период воинствующего атеизма [2, 3, 4]. В историографии достаточно подробно представлена история духовных управлений мусульман и их взаимоотношений с советской властью. Из наиболее известных работ по истории ЦДУМ и региональных муфтиятов следует отметить публикации Белоглазова Р. Н. [5, 6, 7], Гусевой Ю. Н. [8], Хайруддиновой Э. Х. [9, 10], Юнусовой А. Б. [11, 12, 13], в которых подробно рассматривается взаимодействие ЦДУМ с местными общинами, становление Башкирского и Крымского муфтиятов как уникального явления в советской практике. Авторы публикаций, используя методы архивной эвристики, историко-археографических исследований, ввели в научный оборот широкий круг источников – документы крымскотатарского и башкирского курултаев 1917 г., мусульманских съездов, материалы дел ОГПУ-НКВД, воспоминания участников событий, в том числе из семей потомков репрессированных деятелей.

Не умаляя ценности предшествующих исследований истории ислама в СССР, следует

отметить, что они фокусировались в основном на реконструкции и описании событий через призму репрессий или национальных движений (Яковлева, 2017; Хакимов, 2012). Данная работа предлагает взгляд на проблему через призму сетевых связей, что позволяет выявить новые аспекты организации системы управления мусульманским социумом, раскрыть механизмы адаптации муфтиятов, показывая, как локальные связи определяли их устойчивость.

Работа опирается на теорию сетевого взаимодействия (Network Theory) [\[14, 15\]](#), которая впервые применяется в исследовании взаимоотношений между ЦДУМ, национальными муфтиятами и органами советской власти. Новизна исследования выражена также тем, что впервые история ислама в СССР представлена в контексте межрегионального сравнения, сопоставления развития Крымского и Башкирского муфтиятов как примеров общей модели поведения национальных и религиозных структур в условиях советской власти. И, наконец, в отличие от предыдущих исследований, история муфтиятов представлена через деятельность лидеров, показана их роль в формировании и защите автономии муфтиятов, в противостояния региональных муфтиятов как с ЦДУМ, так и с государством.

Методология. Современные исследователи всё чаще обращаются к интердисциплинарным методам, включая сетевой анализ, что открывает новые горизонты для изучения социальных структур. Специфика использования сетевого анализа в исторических исследованиях проанализирована Л.И. Бородкиным, отметившим также возможности пространственной визуализации результатов сетевого анализа в случае, если изучаемая сеть имеет пространственную структуру [\[16\]](#). Примером такого сочетания является совместная работа Саломатиной С.А., Гарской И.М., Валетова Т.Я., в которой методами сетевого и геоинформационного анализа обработаны и визуализированы статистические данные Государственного банка Российской империи за 1898 г. [\[17\]](#). И.М. Гарская также анализирует динамику формирования, структуру, взаимодействие и специализацию традиционных школ исторической информатики как межрегиональной группы сети Ассоциации «История и компьютер» (АИК) [\[18\]](#), что представляет особый интерес в контексте нашего анализа организационной сети мусульманских духовных управлений. Примером использования сетевого анализа в историческом исследовании может быть работа Дж. Патжетт и К. Энселл по истории Флоренции эпохи Медичи – авторы анализируют сетевые связи партий и элит, показывают, как благодаря разрывам внутри сетей элитных групп был достигнут политический контроль Медичи [\[19\]](#).

При всех явных преимуществах применения Network Theory, которая позволяет обнаруживать неочевидные на первый взгляд связи, исследователи предупреждают и о рисках. В числе ограничений Network Theory обычно называют противоречие между качественными и количественными методами, риск создания искусственной «сложности» ввиду сочетания разных видов связей на длительном временном отрезке, проблемы, связанные с интерпретацией традиционных исторических источников в контексте сетевого анализа [\[20\]](#). Учитывая эти критические замечания, в данной работе мы используем цифровые инструменты в сочетании с качественным анализом исторических данных. Статья опирается на авторские публикации и ранее введенный авторами в научный оборот архивный материал из НА РБ, ГАРФ, ЦА ФСБ, Архив УФСБ по РБ.

Наша задача заключалась в том, чтобы на основе имеющихся данных сгенерировать социальную сеть муфтиятов и проанализировать ее в последовательности этапов ее развития: формирование (1917–1923 гг.), функционирование (1923–1928 гг.),

сокращение сети (1928–1936 гг.). Сетевой подход позволяет выявить ключевых акторов (лидеры муфтиятов, ЦДУМ, представители власти), проанализировать типы связей (формальные – через съезды, указы; неформальные – личные контакты, переписка), измерить центральность узлов и устойчивость сети, проследить разрывы связей под воздействием внешних факторов.

Методика. Единицами анализа являются узлы ($n=24$) и рёбра ($n=45$). Муфтияты рассматриваются как ключевые узлы в сети социальных, религиозных и политических отношений, а их связи с организациями и лицами – как ребра. Первоначально данные были собраны в таблицу узлов (Nodes) и таблицу ребер (Edges). Для преобразования данных в матрицу связей они были закодированы в CSV-таблицу, где вес ребра задан числом от 1 (слабая связь) до 5 (сильная связь) – вес ребра задавался в зависимости от частоты и значимости взаимодействий. Ключевыми метриками являются посредническая центральность (Betweenness Centrality) и взвешенная мощность (Weighted Degree). Метрика Betweenness Centrality важна для выявления посредников. Метрика Weighted Degree показывает общую активность, поскольку важна не только связь, но и её интенсивность/значимость. Визуализация и расчёт метрик выполнены в Gephi v. 0.10.1 со встроенным алгоритмом (URL: <https://gephi.org>). Это универсальный пакет построения и визуализации сетей, поддерживающий основные метрики. Для раскладки (пространственного размещения) узлов и построения графов использован алгоритм ForceAtlas2. Данные по каждому из трех этапов импортировались отдельно.

Выбор узлов основан на их значимости для исследуемого процесса взаимодействия муфтиятов и органов власти (Рис. 1. Таблица узлов. Фрагмент).

- Организации: Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ), Башкирское духовное управление мусульман (ДУМ Башкирии), Народное управление религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК), а также связанные структуры (например, Милли Идара, ВЦИК, Наркомнац, правительства Автономной Башкирии и Крымской Народной Республики). Эти организации выбраны как основные институциональные акторы, влияющие на религиозную и национальную политику.
- Личности: муфтии (Галимджан Баруди, Ризаэтдин Фахретдин, Сагит Мрясов, Мансур Халиков, Мутыгулла Гатай, Мутагар Камалетдинов, Номан Челебиджихан, Ибрагим Тарпи) включены как ключевые фигуры, определяющие стратегии и действия муфтиятов. Выбор обусловлен их руководящими должностями и активным участием в национальных и религиозных событиях.
- События: съезды (Всекрымский мусульманский съезд 1917 г., Учредительный курултай Башкирской автономии, Всероссийский съезд мусульман 1920 г., Духовный курултай Малой Башкирии 1921 г. Всероссийские съезды мусульман 1923, 1926 гг.), аресты 1936 г., естественные смерти и расстрел духовенства, другие ключевые события (регистрация уставов, аресты, обращения к властям, ликвидация) выбраны как точки пересечения действий акторов, влияющие на структуру сети.
- Документы и законы: Уставы муфтиятов, обращения муфтиев, законодательные акты (Закон о религии Башкурдистана 1917 г., постановление ВЦИК и СНК РСФСР «С религиозных объединениях» 1929 г.) включены как формальные элементы, закрепляющие связи между акторами.

A	B	C	D
1 Id	Label	Type	Period
2 Челебиджихан	Челебиджихан	Муфтий	1917-1918
3 Тарпи	Тарпи	Муфтий	1920-1923
4 Мрясов	Мрясов	Муфтий	1918-1920
5 Халиков	Халиков	Муфтий	1921-1923
6 Баруди	Баруди	Муфтий	1917-1923
7 Фахретдин	Фахретдин	Муфтий	1917-1923
8 БНД	БНД	Национальное движение башкирское	1917-1923
9 КНД	КНД	Национальное движение крымскотатарское	1917-1923
10 ВЦИК/Наркомнац	ВЦИК/Наркомнац	Орган власти	1917-1923
1 ЦДУМ	ЦДУМ	Религиозная организация	1917-1923
2 ДУМ Башкирии	ДУМ Башкирии	Религиозная организация	1917-1923
3 НУРДМК	НУРДМК	Религиозная организация	1917-1923
4 Правительство Крыма	Правительство Крыма	Орган власти	1917-1923
5 Правительство Башкирии	Правительство Башкирии	Орган власти	1917-1923
6 Милли Идара	Милли Идара	Орган правления	1917-1918
7 Учредительный курултай КНР	Учредительный курултай КНР	Событие	1917
8 Съезд мусульман Крыма	Съезд мусульман Крыма	Событие	1920
9 Учредительный курултай Башкирии	Учредительный курултай Башкирии	Событие	1917
10 Съезд ДУМ Башкирии	Съезд ДУМ Башкирии	Событие	1918

Рис. 1. Таблица узлов. Фрагмент

Выбор рёбер обусловлен определением связей – формальных и неформальных, конфликтных, сотрудничества (Рис. 2. Таблица рёбер. Фрагмент). Типы связей классифицированы как «участие», «контроль», «противостояние», «сотрудничество», «создание», «поддержка», «обращение» и «ликвидация» на основе анализа архивных документов, протоколов съездов и переписки. Рёбра кодировались как ориентированные (например, обращение муфтия к властям) или неориентированные (например, соперничество между ЦДУМ и ДУМ БАССР).

- Формальные связи: учреждение организаций (создание духовного управления мусульман Учредительным курултаем автономного Башкурдистана 1917 г., создание НУРДМК Всекрымским съездом мусульман 1923 г.), подчиненность (муфтияты под контролем НКВД), юридические действия (регистрация уставов).
- Неформальные связи: личная переписка (письмо Тарпи Сталину, письма Фахретдина Калинину), участие лидеров в национальных движениях, поддержка местных властей (на примере БашЦИК и ДУМ БАССР).
- Конфликтные связи: соперничество (ДУМ БАССР против ЦДУМ), противостояние с советской властью (аресты, репрессии, ликвидация).
- Сотрудничество: координация между муфтиями и ЦДУМ (например, участие НУРДМК в съездах ЦДУМ), поддержка национальных движений.

A	B	C	D	E
1 Source	Target	Type	Weight	Period
2 ЦДУМ	ДУМ Башкирии	Противостояние	2.00	1917-1923
3 ДУМ Башкирии	ЦДУМ	Противостояние	2.00	1917-1923
4 ЦДУМ	НУРДМК	Сотрудничество	2.00	1917-1923
5 НУРДМК	ЦДУМ	Сотрудничество	2.00	1917-1923
6 Челебиджихан	НУРДМК	Участие	1.5	1917-1923
7 Тарпи	НУРДМК	Участие	1.5	1917-1923
8 Мрясов	ДУМ Башкирии	Участие	1.5	1917-1923
9 Халиков	ДУМ Башкирии	Участие	1.5	1917-1923
10 Баруди	ЦДУМ	Участие	1.5	1917-1923
11 Фахретдин	ЦДУМ	Участие	1.5	1917-1923
12 ЦДУМ	ВЦИК/Наркомнац	Обращение	1.5	1917-1923
13 ВЦИК/Наркомнац	ДУМ Башкирии	Контроль	3.00	1917-1923
14 ВЦИК/Наркомнац	НУРДМК	Контроль	3.00	1917-1923
15 ВЦИК/Наркомнац	ЦДУМ	Контроль	3.00	1918-1923
16 Тарпи	ВЦИК/Наркомнац	Обращение	1.00	1917-1923
17 КНД	НУРДМК	Создание	2.00	1917
18 Милли Идара	ЦДУМ	Создание	2.00	1917
19 ВЦИК/Наркомнац	БНД	Ликвидация	3.00	1922
20 ВЦИК/Наркомнац	КНД	Ликвидация	3.00	1921

Рис. 2. Таблица ребер. Фрагмент

Исторический контекст. Политика и действия Центрального, Башкирского и Крымского муфтиятов в 1917–1936 гг. имеют ряд общих черт, обусловленных как историческим контекстом, так и схожими вызовами, с которыми сталкивались мусульманские общины в первые десятилетия советской власти. Нами выделены три этапа в развитии ключевых узлов – Центрального, Башкирского и Крымского муфтиятов – и взаимодействия муфтиятов с государством: период создания/восстановления (1917–1923 гг.), период временного равновесия сил (1923–1928 гг.), период ослабления/ликвидации (1928–1936 гг.). Динамика изменения связей и структуры сетей показана по этим времененным срезам.

ЦДУМ. С началом революции 1917 г. перед Центральным духовным управлением мусульман встало задание сохранить общероссийский – в новых условиях общесоюзный – статус правопреемника Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного согласно Указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. На совместном заседании трех съездов – 2-го Всероссийского мусульманского, 1-го Всероссийского военно-мусульманского и Всероссийского съезда мусульманского духовенства (Казань, 22 июля 1917 г.) – была провозглашена национально-культурная автономия мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Ее правительство (Милли Идара) включало три ведомства: духовное, финансов и просвещения. Не смотря на ликвидацию Милли Идара (апрель 1918 г.), Духовное ведомство во главе с муфтием Галимджаном Баруди оставалось в своей резиденции в Уфе и весной 1920 г. начало подготовку к проведению Всероссийского съезда мусульман. На состоявшемся в Уфе 16–25 сентября 1920 г. I Всероссийском съезде мусульман, представлявшем 7000 приходов России, Духовное ведомство было преобразовано в Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири [11, с. 119]. Лидирующие позиции в нем занимало татарское духовенство модернистского (джадидского) толка. Председателем был избран муфтий Галимджан Баруди. В работе съезда приняли участие сотрудники Уфимского губисполкома и НКВД [21, с. 140]. После кончины Галимджана Баруди (декабрь 1921 г.) муфтият возглавил Ризаэтдин Фахретдинов – авторитетный, высокообразованный богослов, редактор журнала «Шура» (1908–1917 гг.). В 1923 г. на II Всероссийском съезде мусульман (Уфа, 10–25 июня 1923 г.) был принят Устав организации, который закрепил его функционал в области назначения духовенства, строительства мечетей, создания духовных учебных заведений, определения их программ, в сфере брачного, семейного и имущественного права верующих мусульман в РСФСР (в Татарской Республике, части селений Башкирии, Чувашской, Вотской и Калмыцкой автономных областях, мусульман, проживающих в других «внутренних» губерниях), Украинской ССР и Сибири [22].

Крым. До революции делами крымских мусульман ведало Таврическое магометанское духовноеправление, созданное указом императрицы Екатерины II от 23 января 1794 г. Перед мусульманами Крыма также стоял вопрос об организации своей национальной и духовной жизни в условиях смены власти и эмиграции части духовенства, в том числе муфтия Селямета Кипчакского, сложившего с себя полномочия и официально уволенного с должности Временным правительством [23, с. 192–195]. Развернувшееся крымскотатарское национальное движение было фактически движением мусульман Крыма. 25 марта 1917 года в Симферополе был созван Всекрымский мусульманский съезд, в работе которого участвовало более двух тысяч делегатов из различных регионов Крыма. Крымским муфтием и председателем созданного на съезде Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (ВКМИК-Мусисполком) был избран

Номан Челебиджихан. Он же стал организатором Милли Фирка – политической партии крымских татар, он же был организатором I Курултая крымскотатарского народа (ноябрь–декабрь 1917 г.). В декабре 1917 г. Милли фирка созвала в Бахчисарае курултай, который провозгласил создание Крымской Народной Республики и избрал Крымскотатарское национальное правительство. Первым председателем правительства стал Номан Челебиджихан [\[24, с. 110\]](#). Номан Челебиджихан и остальные участники крымскотатарского национального движения – Асан Сабри Айвазов, Али Боданинский, Джәфер Сейдамет, Сеитджелиль Хаттатов, Амет Озенбашлы, Леон Кричинский – не отделяли вопросы устройства мусульман от общих целей Крымской народной республики.

Смена власти в Крыму не сняла с повестки вопрос о регулировании взаимодействия мусульман с властями. Под председательством генерала Врангеля 16 мая 1920 г. прошел Всекрымский мусульманский съезд [\[25\]](#), в котором принял участие и будущий муфтий Ибрагим Тарпи. В октябре 1921 г. в Крыму было провозглашено создание Крымской АССР. К этому времени в Крыму действовало до 470 исламских общин, что делало этот регион крупным мусульманским анклавом, требующим особого внимания властей – отношение к крымским татарам могло стать примером эффективности советской политики для ее популяризации среди народов Ближнего Востока [\[26, с. 29\]](#).

С 10 по 15 января 1923 года в Симферополе под председательством Ибрагима Тарпи прошел съезд мусульман Крыма, на котором было решено создать Народное управление религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК). Муфтием крымских мусульман был избран Ибрагим Тарпи [\[27\]](#). Устав НУРДМК после соответствующих инструкций НКВД и НКЮ РСФСР был зарегистрирован 27 апреля 1923 г. Э. Хайруддинова убедительно доказала принципиальную схожесть уставов НУРДМК и Центрального духовного управления мусульман в Уфе (ЦДУМ), что даёт основания предполагать наличие одного исходного типового документа, который брался за основу и после доработок с учётом местной специфики вступал в силу. Авторами его, по нашему мнению, могли быть работники ОГПУ-НКВД [\[8, с. 138\]](#). НУРДМК поддерживал связи с ЦДУМ, делегация крымских мусульман во главе с муфтием Тарпи приняла участие в работе II Всероссийского съезда мусульман.

Исследователи отмечают особое положение крымских татар, получивших относительные религиозные свободы – они возможность проведения мусульманских съездов, до 1926 г. власти закрывали глаза на существование 12 мусульманских религиозных учебных заведений. Как пишет Р.Н. Белоглазов со ссылкой на Э. Кырымал, председатель КрымЦИК Вели Ибраимов и его единомышленники создавали в Крыму условия для национальной, а вслед за ней и религиозной свободы, «иногда без согласия и даже вопреки желаниям и воле московского правительства» [\[7, с. 131-139.\]](#). В 1924 г. НУРДМК приступило к изданию журнала «Асрий мусульманлыкъ» [\[28, с. 565-573\]](#).

Накануне очередного съезда мусульман Крыма ОГПУ рекомендует не переизбирать Тарпи муфтием и в 1924 году новым муфтием становится Муслядин Аджи-Халиль, примыкавший к крымскотатарским националистам и партии Милли Фирка. НУРДМК просуществовал до 1928 г. На 3-4 ноября 1928 г. было запланировано проведение IV Всекрымского съезда мусульман, однако он не состоялся. Как пишет Э. Хайруддинова, «Халк идареи шериеси» фактически прекратил свое существование в связи с тяжелейшим материальным положением [\[29, с. 222\]](#). За год до этого бывший муфтий Ибрагим Тарпи был арестован и выпущен по настоянию верующих через два месяца, но позже, в ноябре 1927 г. Тарпи был приговорён Особым совещанием ОГПУ по 58-й статье

(пункты 10 и 13) к высылке из Крыма. Закрытие Крымского муфтията послужило отправной точкой для раскручивания репрессий в отношении членов Центрального духовного управления мусульман и вылилось в большое «Дело ЦДУМ»[\[11, с. 173-196\]](#) с последующим распространением репрессий в отношении духовенства Центральной Азии [\[30\]](#).

Башкирия. Подъем башкирского национального движения в 1917 г. показал стремление башкир к национальной самостоятельности не только в политическом, но и в духовном плане. Первый и Второй Всеbashkirские съезды (июль и август 1917 г.) признали необходимость отделения церкви от государства и приняли решение о создании самостоятельного духовного управления мусульман Башкурдистана. Третий съезд, объявленный Учредительным курултаем (8–20 декабря 1917 г.), утвердил национальную автономию Башкурдистана и учредил Башкирское правительство [\[31\]](#). Постановление номер XII курултая закрепило Закон о религии, согласно которому признавалось отделение религии от государства и организация «общего духовного управления мусульман Башкурдистана» [\[32\]](#). Собственное – национальное – мусульманское управление виделось частью башкирского национального правительства, члены которого – Юнус Бикбов, Мстислав Кулаев, Заки Валидов, Шариф Манатов, Ильдерхан Мутин, Абдулла Адигамов, Галиахмет Аитбаев, Аллабирде Ягафаров – рассматривали башкирский муфтият как институт государственности [\[32\]](#). В свою очередь, все его муфтии – Сагит Мрясов, Абдулнасыр Загитов, Мансур Халиков, Мутыгулла Гатай – связывали деятельность муфтията с идеями башкирской автономии. Одна из причин создания собственного духовного управления заключалась в стремлении иметь «суворенное» управление, независимое от татарского духовенства – на этом настаивал, например, лидер башкир Челябинского уезда ишан Мухамед-Габдулхая Курбангалиев, ушедший в 1919 г. с армией Колчака на Восток [\[33\]](#). Башкирский муфтият, таким образом, с момента своего создания находился в противостоянии с историческим Центральным духовным управлением мусульман в Уфе, видя в нем инструмент татарского влияния и препятствия национальной автономии башкир.

2 октября 1918 г. состоялся съезд Башкирского духовного управления, утвердивший распределение приходов по кантональным управлениям и назначивший кантональных казыев. Председателем Духовного управления Башкурдистана стал Сагит Мрясов [\[11, с. 109\]](#). С провозглашением 20 марта 1919 г. Советской Автономной Башкирской республики (Малой Башкирии) на ее территорию распространились законы РСФСР, включая закон об отделении церкви от государства. В марте 1921 г. в селе Аллагуват состоялся съезд мусульман Малой Башкирии, он был провозглашен Духовным курултаем и учредил Духовное управление мусульман советской Башкирии. Муфтием Башкирского духовного управления был избран Мансур Халиков (1886–1934 гг.). Башкирскому духовному управлению были подведомственны мусульманские приходы в Аргаяшском, Зилаирском, Тамьян-Катайском, Стерлитамакском кантонах Башкирии. Кроме того, управление имело влияние на прилегающие казахские приходы и один мухтасибат в Татарии (территория бывшего Мензелинского уезда). Резиденция управления находилась в Стерлитамаке, в здании правительства Малой Башкирии [\[11, с. 118\]](#).

Летом 1923 г., с 10 по 17 июня, башкирское духовенство созывает съезд мусульман БАССР, проходивший в одни и те же дни с общероссийским мусульманским съездом в Уфе. В проведении съезда ДУМ БАССР поддержку башкирскому духовенству оказал Наркомат внутренних дел БАССР и лично нарком Шагит Худайбердин. Участники съезда еще раз подтвердили свое стремление к обособленности от центрального

мусульманского ведомства. В глазах башкир оно было и оставалось проводником политики центральной власти и одновременно органом, в котором «царило засилье татарского духовенства». Съезд принял резолюцию об организации Духовного управления «специально для Башреспублики», о чём известил БашЦИК, а тот – Наркомнац [34, с. 183–190]. Председателем БДУ стал бывший имам д. Кунашак Челябинского уезда Мутыгулла Гатауллин (Гатай).

С расширением границ БАССР путем слияния Малой Башкирии с Уфимской губернией (1922) Башкирское духовное управление переезжает в Уфу и вступает в соперничество с ЦДУМ, намереваясь распространить свое влияние на всю территорию Башкирской республики. Местная власть негласно поддерживает ДУМ БАССР – 11 декабря 1923 г. Президиум БашЦИК постановил просить ВЦИК о переводе ЦДУМ из Уфы в Казань или Москву [35, с. 162]. В последующие годы шло жесткое противостояние между БДУ и ЦДУМ.

Муфтияты в первые годы советской власти. 1917–1923 гг. – это период формирования и становления муфтиятов в условиях революционных изменений и ранней советской политики. Основные события этого периода: создание Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (1917), провозглашение Башкирской автономии (1917), съезды ЦДУМ (1920, 1923), съезд мусульман Крыма (1920), создание НУРДМК (1923), Духовный курултай Башкирии (1921), съезд мусульман БАССР (1923). Общим для центрального и двух национальных муфтиятов было стремление адаптировать традиционные религиозные институты к новым политическим реалиям, сохранив конфессиональное самоуправление. При этом муфтияты выступали не только как религиозные институты, но и как платформы для консолидации национальных элит – тюркских (в основном татарской) в общероссийском масштабе, башкирской и крымскотатарской – соответственно в Башкирии и Крыму. Взаимодействие муфтиятов и центральной власти показывает график «Сеть муфтиятов в 1917–1923 гг.» (Рис. 3). Центральность и мощность узлов представлена в таблице (Таб. 1).

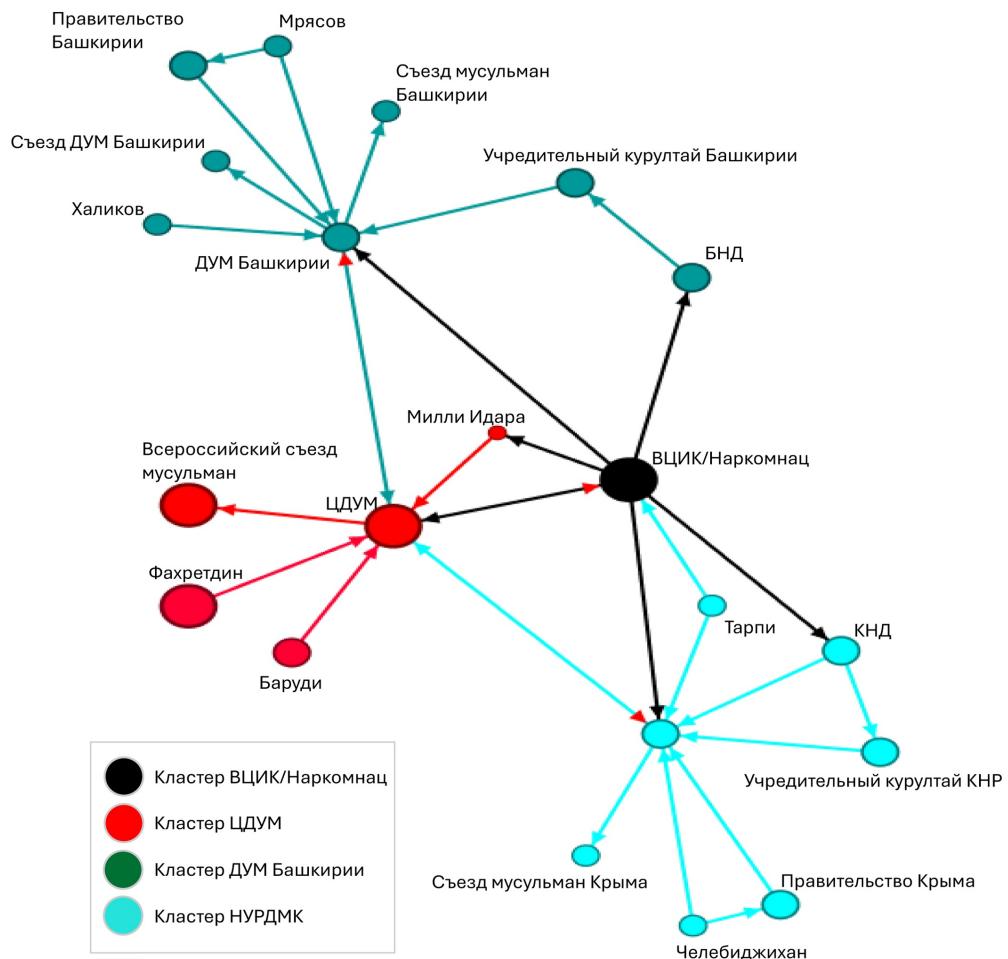

Рис. 3. Сеть муфтиятов в 1917–1923 гг.

Таблица 1. Метрики центральности узлов сети муфтиятов (1917–1923 гг.)

Узел	Центральность по близости (Closeness Centrality)	Центральность по посредничеству (Betweenness Centrality)	Гармоническая центральность (Harmonic closeness centrality)	Взвешенная мощность
ВЦИК/Наркомнац	0,66	0,20	0,75	8,0
ЦДУМ	0,54	0,35	0,64	10,0
ДУМ Башкирии	0,41	0,20	0,52	9,0
НУРДМК	0,38	0,15	0,47	9,0
Башкирское национальное движение (БНД)	0,26	0,09	0,33	2,0
Крымскотатарское национальное движение (КНД)	0,33	0,03	0,43	3,0

Таблица демонстрирует ключевые метрики центральности и влияния узлов в сети муфтиятов 1917–1923 гг.

1. Центральность по близости (Closeness Centrality) показывает, насколько узел близок ко всем остальным в сети. ВЦИК/Наркомнац (0,66) – самый «близкий» узел, поскольку контролировал коммуникации между другими структурами. БНД и КНД имеют низкие

значения (0,26, 0,33), так как после 1917 г. они отодвинулись на периферию коммуникационных потоков.

2. Центральность по посредничеству (Betweenness Centrality) отражает роль «моста» между кластерами. ЦДУМ (0,35) – ключевой посредник, связывавший религиозные и политические структуры. Высокая посредническая центральность ЦДУМ указывает на его роль ключевого хаба, через который осуществлялась коммуникация между региональными муфтиятами и центральной советской властью, что коррелирует с данными – созыв двух съездов, связь с мечетным духовенством 7000 мечетей, контакты с мухтасибами из всех регионов страны, взаимодействие с региональными управлениями – НУРДМК в ДУМ Башкирии, переписка с Наркомнацем.

3. Гармоническая центральность (Harmonic, 0,75 у ВЦИК) подтверждает лидерство ВЦИК и вторичную роль ЦДУМ.

4. Взвешенная мощность (Weighted Degree) – сумма весов всех связей узла. ЦДУМ (10,0) выступает как самый активный узел по количеству и силе взаимодействий (имеет связи с регионами, обращается во ВЦИК/Наркомнац. БНД и КНД, выполнив свои функции в 1917–1918 гг., существенного влияния уже не имеют (2,0; 3,0).

Таким образом, сеть 1917–1923 гг. показывает доминирование государственных органов – ВЦИК/Наркомнац обладает высшей близостью и гармонической центральностью (0,75), что подчёркивает роль власти как системообразующего элемента. Религиозные институты выступают как посредники – высокая посредническая центральность у ЦДУМ (0,35) и ДУМ Башкирии (0,20) указывает на их функцию связующих звеньев между властью и регионами. Налицо периферийность национальных движений – БНД и КНД имеют низкие значения по всем метрикам, их деятельность была локализована и слабо влияла на общую сеть. Мы видим, что ЦДУМ имеет более высокую мощность (10,0), чем ВЦИК/Наркомнац (8,0), но проигрывает в близости (0,64 против 0,75). Объясняется это тем, что несмотря на активное взаимодействие с регионами, ЦДУМ зависел от решений ВЦИК/Наркомнац.

ДУМ Башкирии, наоборот, несмотря на низкую посредническую роль (0,03) демонстрирует высокую мощность (9,0). Сохранение влияния ему обеспечивает опора на местные структуры (органы власти, этническая элита) без выхода на общероссийский уровень.

Временное равновесие сил. 1923–1928 гг. – особый период в истории государственно-религиозных отношений, характеризующийся временным равновесием сил. Под канонической юрисдикцией ЦДУМ фактически находились мусульманские приходы всего СССР. Центральное духовное управление мусульман могло расширить сферу влияния на единоверцев в Средней Азии (Киргизии, Туркмении), в Синцзяне, хотя не пыталось оформить эти намерения юридически [36].

Положение ЦДУМ в Уфе осложнялось действиями Башкирского ЦИК, который поддерживал стремление ДУМ БАССР оставаться единственным управлением мусульман республики. Башкирский обком партии пытался «углубить работу по разложению мусульманства по линии отделенчества» и с этой целью обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить финансирование агитационной пропаганды. В газете «Власть труда» от 18 декабря 1923 г. появилась заметка «Перевод Духовного мусульманского управления из Уфы», где сообщалось, что «БашЦИК возбудил ходатайство перед ВЦИК о переводе Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири из города Уфы в Казань или Москву. БашНаркомвнуделу поручено изъять из

опечатанного архива книги, относящиеся к населению БашАССР, и передать в Башцентрозагс». Обеспокоенный судьбой архива ЦДУМ, в котором хранились метрические книги мусульманских приходов всей российской территории, начиная с 1826 г., Ризаэтдин Фахретдинов 29 декабря 1923 г. обратился с письмом к председателю ВЦИК М.И. Калинину. В глазах российских мусульман – писал муфтий – архив Духовного управления почитается, как весьма ценная сокровищница важных данных по демографии и изучению своих родов и племен. Поэтому и нарушение целостности архива равносильно приведению его в полную негодность, граничащую с полным уничтожением. Напомнив, что ВЦИК своим постановлением от 14 ноября 1921 г. оставил архив с метрическими книгами в распоряжении Духовного управления и разрешил выдачу справок, муфтий пишет: «Я позволил себе утруждать Ваше внимание вышеупомянутыми соображениями как морального, так и практического характера ввиду появившейся в местной газете. ... Если сообщение это соответствует действительности и БашЦИКом возбуждено подобное ходатайство, идущее в современный разрыв с постановлением ВЦИК от 14 ноября 1921 г., как равно его самоличное поручение БашНаркомвнуделу об изъятии метрик из архива, я усерднейше просил бы при поступлении этого ходатайства на рассмотрение ВЦИК обратить должное внимание на изложенные выше мои соображения» [\[37\]](#). (Метрические книги, как и весь архив ЦДУМ, оставались в духовном управлении до 1967 г., когда были переданы на хранение в Центральный государственный исторический архив БАССР – в настоящее время Национальный архив Республики Башкортостан. Прим. авт.).

В 1924 г. ЦДУМ добился возможности издания своего печатного органа «Ислам маджаллясы» (с 1926 г. «Ислам»), главным редактором стал заместитель муфтия Кашшафетдин Тарджиманов. В октябре 1926 г. Центральное духовное управление мусульман провело в Уфе третий Всероссийский мусульманский съезд. В том же году члены ЦДУМ во главе с муфтием приняли участие в работе Всемирного конгресса мусульман в Мекке. Отчет муфтия о поездке на Мекканский конгресс был опубликован в номерах журнала за 1927 г. [\[11, с. 144\]](#).

НУРДМК через свой печатный орган журнал «Асрий мусульманлықъ» активно расширяет контакты с единоверцами в регионах России и за рубежом. На страницах «Асрий мусульманлықъ» публикуются статьи отечественных и зарубежных богословов, в том числе реформатора Мухаммада Абдо, муфтия ЦДУМ Ризаэтдин Фахретдина и его заместителя Кашшафетдина Тарджиманова, идеологов джадидизма Мусы Бигеева, Зии Камали, члена ДУМ БАССР Халила Юлдашева [\[28\]](#).

Башкирское духовное управление также издает журнал «Дианат» (1924–1928). В январе 1927 г. ДУМ БАССР проводит очередной съезд, показавший сильное влияние муфтия среди мусульман Башкирии. Активизация мусульманского духовенства в 1923–1927 гг., его интенсивная агитационная работа, поддержка со стороны населения заставили ЦК ВКП(б) и партийные органы на местах усилить антирелигиозную пропаганду. В Башкирском обкоме ВКП(б) был учрежден антирелигиозный отдел со своим штатом, началось издание антирелигиозного журнала «Аллаһы□» («Безбожник») на башкирском языке [\[11, с. 161\]](#).

Таким образом, в 1923–1928 гг. центральный и два национальных муфтия провели всероссийский и региональные мусульманские съезды, издавали свои печатные органы, расширяли связи, представители российских мусульман приняли участие в работе Всемирного исламского конгресса в Мекке. Влияние советских и партийных органов ограничивалось усилением контрагитационной работы, а со стороны ОГПУ/НКВД –

ужесточением контроля за деятельностью духовенства. Граф «ОГПУ/НКВД и муфтияты в 1923–1928 гг.» показывает ограниченную центральность ОГПУ/НКВД и Наркомнаца в модели сети государственно-мусульманских отношений. Влияние региональных органов советской власти – КрымЦИК и БашЦИК – также были ограниченным (Рис. 4).

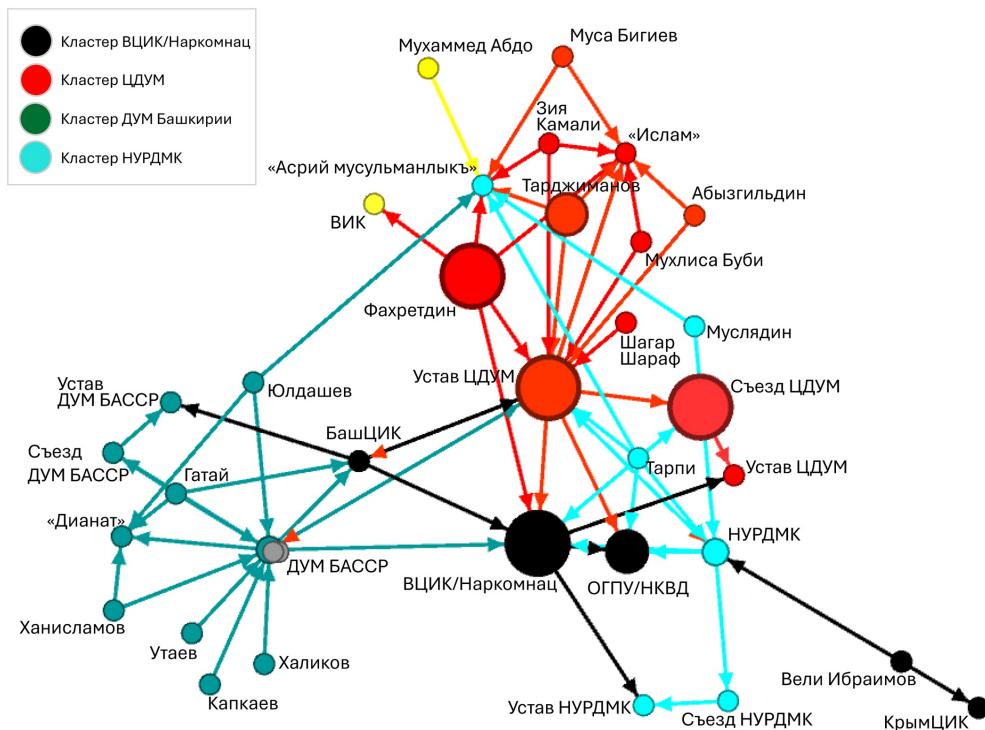

Рис. 4. Сеть ОГПУ/НКВД и муфтияты в 1923–1928 гг.

Таблица 2. Метрики центральности узлов сети муфтиятов (1923–1928 гг.)

Узел	Центральность по близости (Closeness Centrality)	Центральность по посредничеству (Betweenness Centrality)	Гармоническая центральность (Harmonic closeness centrality)	Взвешенная мощность
ВЦИК/Наркомнац	1,0	0,36	1,0	9,0
ОГПУ/НКВД	0,0	0,0	0,0	4,0
ЦДУМ	0,68	1,35	0,76	18,0
ДУМ Башкирии	0,59	0,91	0,67	12,0
НУРДМК	0,52	0,42	0,61	8,0

Таблица показывает значительные изменения в сети к 1928 г.

- Заметно абсолютное доминирование ЦДУМ – виден резкий рост Betweenness Centrality до 1,35 (в 4 раза выше ВЦИК), – теперь Центральный муфтият стал главным посредником. Взвешенная мощность ЦДУМ максимальная – 18,0, что в 2 раза больше ВЦИК. Но при этом Closeness (0,68) ниже, чем у ВЦИК, то есть сохраняется зависимость ЦДУМ от госорганов.
- Наблюдается парадокс ВЦИК/Наркомнац, который имеет идеальные Closeness и Harmonic (1,0), но низкую Betweenness (0,36). Это означает, что ВЦИК находится в центре сети (близок ко всем узлам), но не является ключевым посредником – потоки идут в обход.

3. В сети появляется новый актор – ОГПУ/НКВД. Он имеет нулевые показатели центральности при мощности 4,0 – фактически выполняет «надзорную» функцию без интеграции в сеть.

4. Наблюдается закат НУРДМК, снижение всех показателей перед ликвидацией: потеря посреднических функций (Betweenness 0,42) при сохранении мощности больше, чем ОГПУ (8,0).

Данные отражают завершение централизации религиозного управления через ЦДУМ, переход ВЦИК на позиции формального центра без реального посредничества, начало этапа репрессивного контроля (ОГПУ), ликвидацию альтернативных центров (НУРДМК).

Ослабление и ликвидация муфтиятов. 1928–1936 гг. Краткий период равновесия сил завершается постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. и НКВД РСФСР «О регистрации религиозных объединений» от 1 октября 1929 г. Началось массовое закрытие мечетей, аресты имамов. Бедственное положение, в котором оказался ислам, заставило муфтия Фахретдина лично прибыть в Москву в Президиум ВЦИК с докладом о критическом положении дел в мусульманской религии, находящейся в стране на грани полного уничтожения. Муфтия принял не М. И. Калинин, а председатель Комиссии по культовым вопросам при Президиуме ВЦИК П. Г. Смидович. 9 мая 1930 г. он обратился к М. И. Калинину с докладной запиской, в которой говорилось о необходимости поддержать предложение муфтия Р. Фахретдина. «Положение по мусульманскому культу хуже, чем по другим культурам, – пишет П. Г. Смидович, – ... перегибы на религиозном фронте продолжаются [\[38, 39\]](#).

Улучшение не наступило. Общероссийское духовное ведомство оказалось в роли пасынка и местных и общероссийских властей. Ослабленные в борьбе друг с другом мусульманские управление не смогли противостоять ударам воинствующего атеизма, нанесенным религии в 1930-е годы. В национальных республиках прошли процессы над «буржуазными националистами», в ходе которых были репрессированы республиканские руководители всех рангов и представители творческой и научной интеллигенции коренных национальностей. Под волну борьбы с «буржуазным национализмом» попали и религиозные деятели мусульманской конфессии. Ключевым актором сети муфтиятов становится НКВД (Рис. 5).

После смерти Фахретдина 12 апреля 1936 г. на членов ЦДУМ обрушилась волна арестов, в рамках т.н. дела о «заговоре руководителей ЦДУМ» (1936–1938 гг.) был репрессирован весь состав ЦДУМ, расстреляна единственная женщина – член ЦДУМ Мухлиса Буби. Само духовное управление формально сохранилось, в 1936 г. советское руководство назначило на должность председателя ЦДУМ нового муфтия Габдрахмана Расулева, сына известного шейха Зайнуллы Расулева.

ДУМ БАССР пережило смерть членов президиума Капкаева, Юлдашева, сокращение количества мечетей. 4 июня 1936 г. в возрасте 60 лет скончался муфтий Мутыгулла Гатауллин. Его похоронили на магометанском кладбище Уфы. Через 10 дней после похорон башкирского муфтия был арестован его заместитель Мутагар Камалетдинов (1875–1938). Власти полностью уничтожили ДУМ БАССР, а также его документацию и архив. Редкие материальные подтверждения существования Духовного управления Башреспублики сохранились в уголовном деле Мутагара Камалетдина, включая справку о его назначении членом ДУМ и фрагменты тюремного дневника. Мутагар Камалетдинов был расстрелян летом 1938 года [\[13, с. 114\]](#).

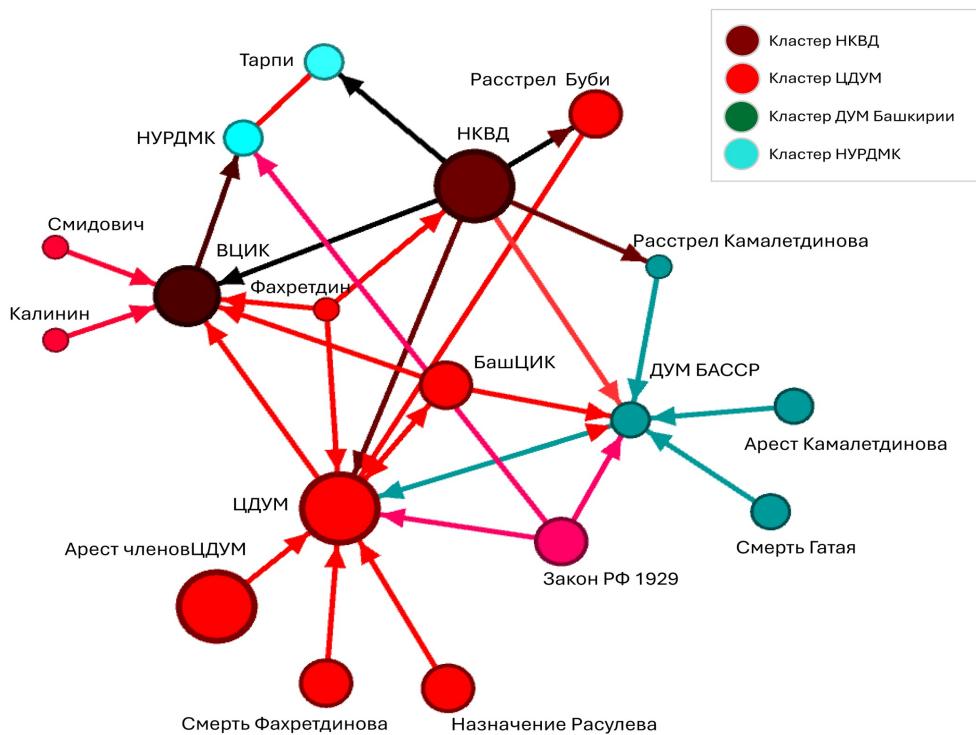

Рис. 5. Сеть муфтиятов в 1928–1936 гг.

Таблица 3. Метрики центральности узлов сети муфтиятов (1928–1936 гг.)

Узел	Центральность по близости (Closeness Centrality)	Центральность по посредничеству (Betweenness Centrality)	Гармоническая центральность (Harmonic closeness centrality)	Взвешенная мощность
ВЦИК	0,58	0,24	0,67	7,0
НКВД	0,62	0,22	0,69	10,0
ЦДУМ	0,69	0,35	0,77	13,0
ДУМ Башкирии	0,60	0,28	0,70	10,0
НУРДМК	0,41	0,008	0,47	2,0
Риза Фахретдинов	0,5	0,0	0,55	3,0
Гатай	0,38	0,0	0,42	1,0
Тарпи	0,39	0,0	0,42	1,0

Данные показывают снижение Betweenness Centrality ДУМ Башкирии до 0,28, а НУРДМК – практически до нулевого показателя, а также постепенное удаление религиозных лидеров из сети (аресты, смерть, расстрел). Метрики подтверждают, что к моменту смерти Фахретдинов уже не влиял на сеть – система перестроилась без него. Нулевая Betweenness при ненулевой мощности – признак формального присутствия при реальном исключении из процессов, то есть Фахретдинов был изолирован ещё до своей смерти, его Betweenness Centrality упала до нуля раньше 1936 года. Сравнение с другими муфтиями показывает такую же нулевую посредническую центральность (Таб. 4).

Таблица 4. Центральность муфтиев к 1936 г.

Узел	Судьба	Betweenness (1936)	Особенность сети
			Физическое узление

Тарпи	Ссылка (1928)	0.0	из сети
Фахретдинов	Смерть (апрель 1936)	0.0	Посмертное «зануление»
Гатай	Смерть (июнь 1936)	0.0	Посмертное «зануление»
Камалетдинов	Арест (июль 1936)	0.0	Исчезновение узла

Оба национальных муфтията – Крымский и Башкирский – стремились сохранить автономию в управлении мусульманскими общинами своих регионов. Их деятельность была ориентирована на защиту местных интересов, что противоречило тенденции к унификации религиозной жизни под эгидой единого ведомства. Это привело к напряжённым отношениям с партийными и советскими органами, а в Башкирии еще и с Центральным духовным управлением мусульман. И в Крыму, и в Башкирии муфтияты столкнулись с административным давлением со стороны советских властей. Общими чертами политики и действий Башкирского и Крымского муфтиятов были их ориентация на национальную идентичность, стремление к автономии, использование возможностей раннего – более лояльного по сравнению с последующим этапом воинствующего атеизма – советского периода для организационного оформления и, в конечном итоге, противостояние как централизованным религиозным структурам, так и государственной антирелигиозной политике. Эти факторы определили их схожую траекторию развития и финал в условиях советской системы. Отличало их отношение местной власти. НУРДМК, не имевший поддержки со стороны советских органов Крымской АССР, прекратил свое существование в 1928 г. ДУМ БАССР пользовался гласной и негласной поддержкой башкирских элит и правительства и стал жертвой репрессий одновременно с ними. Оба муфтията, рожденные из стремления к национальной и духовной автономии, пережили сложный путь становления и противостояния, в конечном итоге пали под ударами советского репрессивного аппарата.

Графы представляют муфтияты (ЦДУМ, Крымский, Башкирский) как элементы динамической сети взаимодействия, где их автономия, конфликты и трансформация зависели от структуры связей с общинами, национальными движениями и государством. Крымский и башкирский муфтии Ибраим Тарпи и Мутыгулла Гатай установлены как центральные фигуры в своих регионах. ЦДУМ в 1920-е гг. имеет высокую степень центральности с последующим падением до 0,35 в связи с репрессиями и фрагментацией сети. Закрытие Крымского и Башкирского муфтиятов в 1928 и 1936 гг. приводит к удалению ключевых узлов и сокращению числа связей.

Сетевой подход показывает, что национальные муфтияты сформировались на волне башкирского и крымскотатарского национальных движений в 1917 г. Период последующего сотрудничества как с ЦДУМ, так и с советской властью был недолгим и завершился к середине 1930-х годов ликвидацией национальных муфтиятов. Их автономия находилась в прямой зависимости от лояльности советской власти, которая выступает мощным внешним узлом, способствующим разрушению сформированных мусульманских и национальных структур. Не имея поддержки советских органов власти, НУРДМК прекратил существование к 1928 г. ДУМ БАССР, имея негласную поддержку со стороны башкирских руководителей республики, продержалось до 1936 г. и пало жертвой репрессий одновременно с ними в рамках борьбы с «буржуазным национализмом». ЦДУМ, несмотря на полное уничтожение всех его членов, был реанимирован советской властью и оставался до 1944 г. единственным духовным

управлением мусульман в СССР.

Новизна нашего исследования представлена в данной статье в трех аспектах:

- применение сетевого анализа;
- проведение сравнительного анализа муфтиятов в межрегиональном контексте;
- проведение исторического исследования через призму духовных лидеров.

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Сетевой анализ показал, что автономия Крымского и Башкирского муфтиятов основывалась на локальной поддержке (национальных движениях, элитах, общинах), а не на вертикальном подчинении ЦДУМ или советской власти. Это сделало муфтияты уязвимыми перед репрессиями, поскольку их устойчивость зависела от гибкости горизонтальных связей, а не институциональной защиты.

2. Налицо конфликт централизации и регионализации. Центральное духовное управление мусульман стремилось к восстановлению своего дореволюционного статуса и унификации управления мусульманами СССР. Находившийся рядом с ним башкирский муфтият отстаивал автономию, что привело к противостоянию с ЦДУМ. Крымскотатарский муфтият существовал параллельно, поддерживая связи с ЦДУМ и ДУМ БАССР.

3. Государство выступало ключевым актором, разрушавшим сетевые связи муфтиятов. Власти использовали конфликт между ЦДУМ и ДУМ БАССР для ослабления религиозных структур. Репрессии 1930-х гг. были направлены не только на подавление религии, но и на ликвидацию альтернативных центров влияния, связанных с национальными движениями.

4. Исследование показало методологическую ценность Network Theory. Применение сетевого подхода позволило выявить скрытые паттерны взаимодействия – влияния, посредничества и изоляции:

- 1917–1923 гг. – формирование сетей на волне национальных движений.
- 1923–1928 гг. – временное равновесие с высокой мощностью ЦДУМ и его посреднической центральностью.
- 1928–1936 гг. – коллапс сетей из-за репрессий, обнуление основных акторов, ликвидация муфтиятов.

Этот метод доказал эффективность для изучения советской религиозной политики, особенно в комбинации с традиционным анализом исторических данных.

5. Исследование демонстрирует, что современная фрагментация муфтиятов в России отчасти воспроизводит конфликт централизации и регионализации 1920–1930-х гг., что подчеркивает ценность исторического опыта для понимания текущих процессов.

Проведенное исследование и выводы будут интересны для специалистов по истории государственно-религиозных отношений и ислама в СССР, социологов, изучающих сетевые структуры, политологов и религоведов. Результаты могут быть применены в практике аналитических исследований этноконфессиональных процессов.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500568-3-6.5.1 на 2025 год.

Библиография

1. Абсалямов Ю.М., Баимов А.Г., Гусева Ю.Н. и др. Атлас "Исламское сообщество Российской Федерации" / картографы Асафайло О.Г. и др.; ред. Силантьев Р.А. М.: ИНКОТЭК, 2018.
2. Эльбуздукаева Т. У. Советская власть и мусульманское духовенство Чечни в 20–30-е годы XX века: политические практики / Т. У. Эльбуздукаева // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 3(88). С. 52-57. EDN XSODSX.
3. Гусева Ю. Н. "Цепь Корана" – дело о "Заговоре панисламистов" в Средней Азии (1940) (по материалам архивов советских спецслужб) / Ю. Н. Гусева // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 3. С. 114-122. EDN ZEVXRJ.
4. Хакимов Р. Ш. Воинствующий атеизм против ислама на Урале (1928–1940 годы) / Р. Ш. Хакимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7(262). С. 100-105. EDN OYDTNV.
5. Белоглазов Р. Н., Осиповский С. Н. Политика правительства генерала П.Н. Врангеля по отношению к крымским татарам / Р. Н. Белоглазов, С. Н. Осиповский // Вопросы истории. 2022. № 3-2. С. 4-14. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi46. EDN BUBVFJ.
6. Белоглазов Р. Н. Создание муфтията мусульман Крыма в начале 1920-х гг. / Р. Н. Белоглазов // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы IV международной научной конференции, Севастополь, 06–10 октября 2020 года. Том II. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 29-33. EDN LJCHVJ.
7. Белоглазов Р. Н. Советская власть и ислам в Крымской АССР. 1920-е гг. / Р. Н. Белоглазов // Историческое наследие Крыма – 2023: Сборник статей. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2023. С. 131-139. EDN UOFOZA.
8. Гусева Ю. Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. / Ю. Н. Гусева // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12, № 1. С. 137-144. DOI 10.20536/2074-1529-2016-12-1-137-144. EDN VUTMTX.
9. Хайруддинова Э. М. Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923–1925) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "Исторические науки". 2012. Т. 25(64). № 2. С. 217-224. EDN VBORRJ.
10. Хайруддинова Э. М. Особенности взаимоотношений советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2011. Т. 24(63), № 2. С. 134-139.
11. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с. ISBN 5-85051-130-X. EDN TGAQJT.
12. Юнусова А. Б., Азаматов Д. Д. 225 лет Центральному Духовному управлению мусульман России: Исторические очерки. Уфа, 2013. 400 с. ISBN 978-5-85051-588-1. EDN SGVET.
13. Юнусова А. Б. Автономия башкирского ислама: к 100-летию Духовного управления мусульман Башкортостана / А. Б. Юнусова // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 105-116. EDN ZVHQPF.
14. Лифшиц Ю. Структура сложных сетей. Лекция № 4 курса "Алгоритмы для Интернета". 2006.
15. Евин И. А. Введение в теорию сложных сетей // Компьютерные исследования и моделирование. 2010. Т. 2, № 2. С. 121-141.
16. Бородкин Л.И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро- макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110-124. DOI: 10.7256/2306-0891.2017.1.22842 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22842

17. Саломатина С.А., Гарскова И.М., Валетов Т.Я. Ведущие финансовые центры Российской империи в конце XIX века по статистике межрегиональных банковских переводов: сетевой и геоинформационный аспекты // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 104-126. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.4.37027 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37027
18. Гарскова И.М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования межрегиональной компоненты сети АИК // Историческая информатика. 2017. № 4. С. 112-129. DOI: 10.7256/2585-7797.2017.4.25078 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25078
19. Padgett J. F., Ansell K. C. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. American Journal of Sociology. 1993. 98, 1259-1319. <https://doi.org/10.1086/230190>. EDN HEWXHV.
20. Göktere B., Parlakoğlu M. N. The Role of Digital Tools in Historical Research: A Study on the Intellectual Network of Gerbert of Aurillac. Ortaçağ Araştırmaları Dergisi. 2024. 7(2), 497-510. DOI: <https://doi.org/10.48120/oad.1475270>. EDN OPJLZA.
21. Юнусова А. Б. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI веках / Автор-составитель А. Б. Юнусова. Археограф Ю. М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. EDN SGVESR.
22. Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в ХХ веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013. EDN TMSTPV.
23. Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайретдинова З. З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009.
24. Исхаков С. М. Борьба татар Крыма за самоопределение (1917 – конец 1930-х гг.) / С. М. Исхаков // Исторический вестник. 2021. Т. 36. С. 104-141. DOI 10.35549/HR.2021.2021.36.004. EDN CQUSCM.
25. Крым мусульманлары. 1920. 18 мая // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1523. Л. 2-4. Заверенный перевод с крымскотатарского языка А. Озенбашлы. <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/10852>.
26. Белоглазов Р. Н. Создание муфтията мусульман Крыма в начале 1920-х гг.
27. Хайруддинова Э. М. Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923–1925) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "Исторические науки". 2012. Т. 25(64). № 2. С. 217-224. EDN VBORRJ.
28. Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. "Асрий мусульманлық" (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма / Н. В. Яблоновская, Л. Ш. Джелилова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 2(78). С. 565-573. DOI 10.21603/2078-8975-2019-21-2-565-573. EDN AEIVJH.
29. Хайруддинова Э. М. Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923–1925) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "Исторические науки". 2012. Т. 25(64). № 2.
30. Гусева Ю. Н., Бегасилова Ж. А. Дело о "панисламистской повстанческой организации" в Средней Азии 1940 г. / Ю. Н. Гусева, Ж. А. Бегасилова // Российская история. 2018. № 2. С. 99-110. EDN QVNZSW.
31. Юлдашбаев Б. Х. Учредительный курултай Башкирской автономии. Уфа, 1997.
32. Юнусова А. К истории Духовного управления мусульман Республики Башкортостан // Мир ислама. 1999. № 1. С. 149-162. EDN UJRZAX.
33. Юнусова А.Б. От Урала до Фудзи: геохроника странствий ишана Курбангали // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 49-72. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73975 EDN: TZLIRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73975

34. Юнусова А. Б. Из истории Духовного управления мусульман Республики Башкортостан. Документальная хроника // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 183-190.
35. Юнусова А. Б. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX-XXI веках / Автор-составитель А. Б. Юнусова. Археограф Ю. М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. EDN SGVESR.
36. Гусева Ю. Н. Объединительные тенденции в деятельности Центрального духовного управления мусульман в 1920-е гг. / Ю. Н. Гусева // Эхо веков. 2013. № 1-2. С. 50-55. EDN RABWAJ.
37. Обращение Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири к М.И. Калинину об отсутствии письменных арабских памятников в архивах России периода до Казанского царства, о ценности архива Духовного управления в Уфе, с просьбой отменить распоряжение об изъятии из архива метрических книг // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 16. Л. 95-96 об. <http://islamperspectives.org/gri/items/show/16792>.
38. Одинцов М. И. "Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения ...". (Свидетельства муфтия Р. Фахретдина). 1930 г. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 67-75.
39. Юнусова А. Б. Деятельность муфтия ЦДУМ России Р. Фахретдина по сохранению исламского вероучения в большевистской России / А. Б. Юнусова // Проблемы востоковедения. 2009. № 2(44). С. 63-72. EDN QBNQPD.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена взаимодействию религиозного и этнического факторов и конфессионального самоуправления в мусульманском сообществе России в 1917–1936 гг. Анализируется деятельность ЦДУМ (Центральное духовное управление мусульман), национальных муфтиятов и мусульманских лидеров.

Методология статьи основана на использовании сетевого анализа, получившего достаточно широкое распространение в исторических исследованиях и позволяющего визуализировать пространственную структуру изучаемой сети. На основе сетевого подхода в статье выявляются ключевые акторы (мусульманские лидеры и представители власти) и анализируются связи между ними.

Актуальность исследования, как указывается автором, «...обусловлена проблемами организационного устройства современного мусульманского сообщества России» и связанными с этим задачами. К этому можно добавить, что проблема взаимоотношения власти и любых религиозных объединений (с властью и между собой) остается актуальной всегда.

Научная новизна статьи определяется прежде всего использованием сетевого анализа, что позволяет не только получить новые результаты, но и поставить новые задачи исследования. В статье впервые проводится сравнительный анализ Крымского и Башкирского муфтиятов, деятельность которых представлена через деятельность их лидеров.

Статья имеет достаточно большой объем (примерно 1,3 печатных листа), что позволяет развернуть аргументацию и насытить текст иллюстрациями. При этом текст имеет выраженную структуру с подзаголовками, что позволяет хорошо понимать логику статьи и ее выводы. Во вводной части ставится проблема, определяются объект и предмет

изучения, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, дается очень краткий историографический очерк. В следующей – методологической части статьи – обосновывается использование сетевого анализа для решения поставленных задач. Далее рассматривается конкретная методика и используемое программное обеспечение (Gephi v. 0.10.1). Затем приводится исторический очерк, показывающий особенности развития ислама в Крыму и Башкирии. Демонстрация результатов сетевого анализа в виде графической визуализации и интерпретация полученных результатов ведутся в тесной связи с историческим материалом. Статья заканчивается довольно объемным финальным разделом, где приводятся подробные результаты проведенного исследования. Пять основных выводов статьи представляются обоснованными и демонстрируют не только прирост исторического знания, но и необходимость использования информационных технологий для обеспечения этого прироста.

Статья хорошо иллюстрирована – 6 рисунков, в основном демонстрирующих выявленные сети и 4 таблицы. Все они хорошо привязаны к тексту и помогают в его понимании. Язык и стиль статьи не вызывают каких-либо замечаний. Библиография статьи содержит 39 позиций, в основном связанных с историческим контекстом изложения, она включает также несколько статей, полезных для понимания роли и значения сетевого анализа в исторических исследованиях.

Статья интересна и полезна как с общехistorической точки зрения, так и в методологическом и методическом контексте. Она, безусловно, вызовет интерес широкого круга специалистов по изложенным в тексте историческим проблемам и методическим приемам. Статья соответствует формату и уровню журнала «Историческая информатика», однако, ее публикация не может осуществиться без доработки, связанной с качеством иллюстраций. Речь идет о 4 рисунках, представляющих собой собственно сети. Их важность для понимания статьи трудно переоценить, но восприятие заложенной в них информации затруднено из-за проблем с качеством. Главный недостаток – это соотношение узлов, ребер и текста. Цвета заливки часто просто мешают чтению и пониманию текста на самом графике, например, темная заливка узлов мешает чтению текста поверх этой заливки. Сами надписи перемешаны с кругами и линиями связи между ними, все это плохо читается и трудно определить, что к чему относится. Поэтому предлагается переработать рисунки 3–6, представленные в статье, после чего она может быть рекомендована к публикации.